

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
О-54

Original English language edition first published
in 2020 under the title THE LOOP by The Chicken House,
2 Palmer Street, Frome, Somerset, BA11 1DS

Translation Copyright © Chicken House Publishing Ltd

Text copyright © BEN OLIVER 2020

The Author/Illustrator has asserted her moral rights.

All rights reserved.

Перевод с английского *К.В. Руснак*

Оливер, Бен.

О-54 Петля будущего / Бен Оливер ; [перевод с ан-
глийского К. Руснак]. — Москва : Эксмо, 2020. —
384 с. — (Young Adult. Антиутопия. Аркан).

ISBN 978-5-04-110718-5

Так ли ты представлял себе далекое будущее?

Аркан — тюрьма высоких технологий. Лука Кейн — заключенный 9–70–981, теперь всю жизнь его ждет безрадостное существование в звуконепроницаемой камере-одиночке. Дни предсказуемы до тошноты: обед по расписанию, час прогулки в одиночестве, из собеседников — надзиратель Рен и голос операционной системы. В запястья вживлены магнитные кабели, а в грудь вшито взрывное устройство, которое разорвет его сердце на куски, если он попытается сбежать.

Мир давно прогнал насквозь: теперь живой человек — ничтожество, всем управляет система, а заключенных используют как расходный материал. Ежедневно из Луки тянут энергию наноботы, а раз в полгода на нем проводят тесты новых протезов для киборгов. Ни единого шанса на спасение.

Но он должен вырваться на свободу, найти свою семью и выяснить, кто в ответе за мировой хаос! И когда система дает сбой, Лука решает воспользоваться моментом. Вот только знает ли он, что творится в мире за пределами Аркана? Не являются ли стены тюрьмы его единственной защитой от ужасов реального мира?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Руснак К., перевод на русский язык,
2020

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-110718-5

000 «Издательство «Эксмо», 2020

Для Сары: извини, в этой истории драконов нет.

Жизнь кипела в нем, вставала бурным разливом, и каждый мускул, каждая жилка играли, были в огне, и радость жизни претворялась в движение, в эту исступленную скачку под звездами.

*ДЖЕК ЛОНДОН
«ЗОВ ПРЕДКОВ»*

ДЕНЬ
736
В АРКАНЕ

Жатва начинается, и остается лишь страх. Так все и происходит, каждую ночь в одно и то же время.

Проходят минуты или даже часы — сложно сказать, — и в какой-то момент у меня начинаются галлюцинации.

Мой разум растворяется в боли и панике, и вот я уже за пределами камеры. Я стою на крыше Вертикали «Черная дорога» — башни с километр в высоту, где я когда-то жил. Светловолосый мальчик что-то кричит, пытается достать пистолет из кармана, отступая к краю здания, в то время как девушка в маске ведьмы подходит к нему все ближе и ближе. Если я ничего не сделаю, он убьет ее.

— Отойди! — кричит он, голос его дрожит от ярости и страха.

Еще один рывок, и вот ему удается достать пистолет из кармана. Он делает шаг назад, увеличивая расстояние между собой и девушкой в маске, и направляет пистолет ей в лицо.

Жатва заканчивается, и я открываю глаза. Я лежу, полностью истощенный, на твердом бетонном полу

моей крошечной серой камеры. Сердце бьется громко и быстро, отражаясь эхом от стен прозрачной стеклянной трубы вокруг меня.

Я пытаюсь подготовиться к тому, что будет дальше, пытаюсь задержать дыхание, но времени нет. Вода хлещет с потолка мощным потоком, и я почти уверен, что задохнусь. Мои легкие горят, а труба продолжает заполняться водой с химикатами. Мое истощенное тело умоляет меня вдохнуть кислород, но если вдохну, то умру.

Спустя, кажется, лет сто в полу открывается решетка, и стекающая вода под давлением прижимает меня к полу. Вода ушла, я лежу, хватая ртом воздух и пытаюсь откашляться.

Затем приходит горячий воздух: струя непрерывного ветра, горячего настолько, что он практически обжигает мою обнаженную кожу.

Наконец одежда на мне высыхает, поток воздуха прекращается, труба поднимается обратно в потолок до следующего дня, а я, не в состоянии пошевелиться, так и остаюсь лежать на холодном полу.

В Аркане это единственное подобие душа, на которое можно рассчитывать, — утвержденная правительством пытка водой, имитирующая утопление.

Скоро пойдет дождь. Каждую ночь, несмотря на боль после жатвы энергии, я заставляю себя не спать, чтобы посмотреть на дождь. Он начинается в полночь — спустя полчаса после завершения жатвы — и льется стеной, словно муссон, на протяжении тридцати минут.

— Хэппи¹, поговори со мной, — выдавливаю я, задыхаясь, и экран на стене оживает.

¹ Хэппи — счастливый (англ.).

Петля будущего

— Да, заключенный? — отвечает мне спокойный, почти умиротворяющий женский голос.

— Состояние жизненно важных органов? — командую я.

— Сердцебиение двести один удар, замедляется. Давление крови сто сорок на девяносто. Температура тридцать семь и две. Частота дыхания сорок один...

— Хорошо, хорошо, — прерываю я, — спасибо.

Я встаю — от такого простого действия ноги дрожат и сводит мышцы. Я осматриваю камеру и постепенно успокаиваюсь: те же четыре серые стены, голые, только в одной из них дверь тридцать сантиметров толщиной, на другой — экран и крошечное окно в задней стене; односпальная кровать с тонким покрывалом и тонкой подушкой; унитаз из нержавеющей стали в углу и раковина рядом с ним; стопка книг да стол, приваренный к полу, — вот, пожалуй, и все.

Подняв глаза на затемненный экран, вижу, что через пять секунд наступит полночь, а я, кажется, еще не до конца оправился. Изнуренный, я заставляю дрожащие ноги двигаться, подхожу к задней стене и сквозь крошечное прямоугольное окно устремляю взгляд на небо.

Я до сих пор дышу так тяжело, что мне приходится слегка отстраниться, чтобы стекло не запотевало.

Сотни маленьких взрывов вспыхивают в темной ночи. Я не слышу их, потому что комната звукоизолирована, но помню этот звук с детства и могу представить разрывающее воздух эхо. Темные облака, оставшиеся после взрывов, сливаются в сплошную пелену дыма. Дождь начинается с такой силой, что

Бен Оливер

первые капли буквально отскакивают от бетона. Глубокие лужи образуются за считанные секунды, и запах дождя поражает меня — не настоящий, конечно, но я помню из детства, как пахнет дождь: свежий, чистый аромат. Если закрыть глаза, то я могу отчетливо услышать и шум дождя; каждый раз, когда я думаю об этом, мне хочется выйти и ощутить капли на своей коже, но я не могу.

Дождь означает новый день. Второе июня, мой шестнадцатый день рождения. Я здесь уже более двух лет. Начинается мой семьсот тридцать седьмой день в Аркане.

— С днем рождения, — шепчу я.

— С днем рождения, заключенный номер 9–70–981, — отвечает мне экран.

— Спасибо, Хэппи, — бормочу я.

Я ложусь и стараюсь не плакать, убеждая себя, что пользы от этого никакой, что ничего не поменяется, но не могу остановить слезы в глазах.

Я чувствую близость стен, толстый металл двери, которую я никогда не открою, чувствую тщетность всего этого. Я твержу себе, что мне не нужно соглашаться на Отсрочку, что могу отказаться от нее и принять тот факт, что меня приговорили к смерти, а значит, смерть — единственный выход отсюда. Мне не нужно бороться с этим.

Чувство бесполезности и безнадежности — вот что остается, если лишить власть сострадания, правосудие — милосердия, если позволить машинам решать судьбу людей.

ДЕНЬ
737
В АРКАНЕ

И снова я просыпаюсь раньше, чем прозвучит будильник.

Я наблюдаю, как экран переключается из неактивного спящего режима в яркое свечение.

07:29 переходит в 07:30, и я повторяю в унисон будильнику:

— Заключенный 9–70–981, сегодня четверг, второе июня. День семьсот тридцать седьмой в Аркане. Температура в вашей камере девяно...

— Пропустить, — бормочу я и, взмахнув ногами, встаю.

— Хорошо. Пожалуйста, выберите завтрак, — требует голос.

Я прошу Хэппи дать мне тосты и апельсиновый сок.

Я поворачиваюсь к экрану: в левом верхнем углу моя фотография. Это фото было сделано в день моего заключения и получилось ужасным: у меня ошеломленное выражение лица, то тут, то там шрамы выделяются белыми пятнами на моей темной коже; мой нос выглядит больше обычного, а уши торчат, как ручки кувшина. Если бы я был богатым, эти не-

традиционные черты были бы косметически исправлены до моего рождения, но я Убогий, так что жить мне с большим носом, кривыми ушами и шрамами, которые я заполучил уже позднее. Хотя я не против — мама всегда говорила, что они придают мне характер. Под фотографией — информация, которую экран зачитывает мне каждое утро: температура снаружи, температура в камере, дата и время, количество дней, прожитых мною в Аркане, и обратный отсчет до моей казни и до следующей Отсрочки — они проходят с разницей в один день.

Под экраном открывается панель, и на маленький металлический стол выкатывается поднос с завтраком.

Тост настолько сухой, что трудно глотать. Закончив, я кладу поднос обратно на панель, на которой он появился, и его увозит конвейерная лента.

— Заключенный 9-70-981, — снова звучит голос Хэппи, — сегодня четверг, вы получаете чистую форму.

— Точно, — отвечаю я, отрывая липучую застежку спереди на белом тюремном комбинезоне и сбрасывая ботинки.

Снимаю трусы — тоже выданные в тюрьме, до невозможности накрахмаленные и грубые — и кладу кучу вещей в лоток, который закатывается по конвейерной ленте обратно. Грязная одежда исчезает, и я жду, стоя обнаженным посреди камеры. Спустя пару секунд появляется чистый комплект одежды, аккуратно сложенной и такой же жесткой.

Я кладу большую часть одежды на кровать, натягиваю дополнительную пару шорт, которые попро-

Петля будущего

сил и которые мне выдали как часть тюремной формы, и начинаю разминку: отжимания, приседания, упражнения на пресс, подтягивания в дверном проеме и еще с полдюжины разных упражнений, пока пот не стекает с меня ручьями. Обычно тренировка занимает не больше часа, но сегодня мне не хочется останавливаться, мне хочется двигаться и убежать от настигающей меня боли. Я начинаю все заново: отжимания, приседания, пресс, подтягивания, — и продолжаю работать до изнеможения и обжигающей боли в мышцах.

Я лежу на полу, абсолютно обессиленный, и, наконец, сдаюсь перед болью.

Мэддокса больше нет.

Я принимаю этот факт, позволяю ему накатить на меня гигантской волной и поселиться во мне.

Я умываюсь водой из крошечной раковины, затем вытираюсь полотенцем и надеваю чистую форму.

— Заключенный 9–70–981, — произносит Хэппи, — приготовьтесь к ежедневному обращению Смотрителя, мистера Галена Рая из Региона 86.

— Замечательно, — бубню я, садясь на кровать лицом к экрану.

По всему городу и в деревнях на окраинах Проекторы-крикуны на какое-то время перестанут извергать голографическую рекламу; Линзы остановят игровые процессы, дополненную реальность и социальные функции; каждый телевизор, модуль виртуальной реальности и любой другой экран будут показывать ежедневное сообщение Галена.

На моем маленьком тюремном экране появляется его изображение: дружелюбное и располагающее лицо уверенного в себе человека.

— Доброе утро, граждане, — начинает Гален, по его губам расплзается лукавая ухмылка. — Знаю, вы все очень занятые люди, так что буду краток.

Мне не интересны эти ежедневные политические передачи, но если оборвать зрительный контакт, то эфир прекратится до тех пор, пока снова не взглянешь на экран. Проще поскорее с этим покончить.

— Мое обещание увеличить рабочие места для инженеров вскоре принесет свои плоды, и я лично гарантирую, что пятьдесят процентов этих нероботизированных рабочих мест будут зарезервированы для Убогих. Мы не разделенная нация, как заставляют вас думать СМИ; покуда я на посту Смотрителя, я не позволю этому случиться, в мою смену этому не бывать.

Я закатываю глаза, и на секунду, что я оторвался от экрана, изображение Галена, поднявшего палец вверх, замирает, пока я снова не возвращаюсь взглядом к экрану, и тогда он продолжает говорить о своей политике и о том, что Регион 86 стал успешнее, чем когда-либо за последние пятьдесят лет, — с чем я бы поспорил.

Гален завершает обращение своей обычной прощальной речью — «Все как один!» — и следующие два часа я провожу за чтением. Мне повезло: где-то через год после моего заключения я подружился с одним из надзирателей Аркана. Рен Солтер — человек. Она коллекционирует антикварные книги — не электронные вроде тех, которые можно отобразить на Линзе, а настоящие бумажные. В Аркане камеры сканируются каждые три секунды, чтобы удостовериться, что заключенный не сбежал, а также на наличие контрабандной электроники, поэто-

Петля будущего

му старинные бумажные книги — это единственный вид книг, которые можно успешно сюда пронести. У подножия моей кровати собраны сто восемьдесят девять книг, начиная от пропахших сыростью вестернов трехсотлетней давности, страницы которых со временем пожелтели, а текст местами стерся, до последних из напечатанных книг примерно времен моего рождения.

Если книга по-настоящему хороша, могу прочесть ее за день. Есть те, которые я иногда перечитываю: истории так хороши, а персонажи такие яркие, что я невольно задаюсь вопросом: а были ли эти книги популярны, когда издавались? «Родня»¹, «Гарри Поттер», «Жизнь Пи»² и «Левая рука Тьмы»³, например.

Сейчас я на середине книги о семье, запертой в отеле с привидениями. Она написана автором, который мне очень нравится, я прочел минимум пять его книг, и эта, возможно, лучшая.

Что мне нравится в книгах, так это то, что я могу на время исчезнуть, погрузиться в места, созданные другим человеком; мне не нужно быть тем, кто я есть, или там, где я сейчас, пока я нахожусь в том другом мире, и порой мне это просто необходимо. Наверное, этим я не сильно отличаюсь от наркоманов, заселивших многоэтажки и трущобы на окраине города.

¹ «Родня» — роман американской писательницы Октавии Э. Батлер.

² «Жизнь Пи» — роман Янна Мартела, за который он получил Букеровскую премию в 2002 году.

³ «Левая рука Тьмы» — роман американской писательницы-фантаста Урсулы Ле Гуин.